

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Зоологические заметки по
маршруту Южной партии
Монголо-Тибетской
экспедиции Г.Г.О. под
начальством П.К. Козлова,
1925-1926 г.г.

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: А.И., Андреева メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3836

**Дневники,
отчеты и программы экспедиций**

**Подготовка к печати и комментарий
директора Мемориального
музея-квартиры П.К.Козлова
д.и.н. А.И. Андреева**

**Зоологические заметки по маршруту Южной
партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О. под
начальством П.К. Козлова
1925–1926 г.**

Маршрут:

Урга (28-го июля 1925 г.) – Дайчин-бейсе – горы Хурху (28 августа) – горы Ноин-Богдо (стоянка октябрь-ноябрь) – низовья Эцзин-гола (зимовка с декабря по май вкл[ючительно] – ур[очище] Бухан-хуб (50 вёрст вверх от Сого-нора, июнь).

Наблюдения вёл А.Симуков

**Маршрут
Урга – Дайчин-бейсе**

I. Mammalia

Число видов, наблюдавшихся в степи по дороге и на стоянках весьма незначительно, но некоторые виды поражают количеством особей.

Наблюдались следующие виды.

Волк (*Canis lupus subsp?*) встречен лишь однажды, на переходе от Сосын-даба к ур[очищу] Джиргаланту (1/VIII). Это была очень крупная особь, пересекая в сумерках дорогу вблизи каравана.

Из копытных были встречены дзере (*Antilope gutturosa*). Впервые они наблюдались близ колодца Эрдэн-Тологой-худук. Затем стадо в 7 голов было встречено немного южнее Угомыр-Даба в обширной безлюдной долине. Дзере, очевидно, лежали невдалеке от дороги. Спугнутые, они пересекли дорогу и приостановились в ближайшей лоштинке. Охота за ними была неудачной, несмотря на то, что они часто останавливались.

Впоследствии парочка, отбившаяся от стада, залегла чуть ли не на глазах охотника. В тот же день (4/VIII) на закате пара дзере была спугнута уже на кормёжке близ перевала Унэжты-даба. Далее пошла местность более населённая и до Бага-Гадзырыин-Чулу (Дайчин-бейсе) дзере больше не попадались.

Семейство грызунов гораздо многочисленнее видами. Наиболее заметен самый крупный из монгольских грызунов, именно тарабаган (*Arctomys sp.*). Он весьма многочислен на всём пути, за исключением двух-трёх переходов от Урги. Жилые норы его встречаются на самой дороге. Почти по всему пространству степи видишь то тут то там стоящих столбиками у своих нор, тарабаганов. Кормятся они, по-видимому, весь день. Во всяком случае, не замечено, чтобы они в середине дня уходили бы в норы.

В это время года тарабаганы весьма жирны. Молодые ещё не достигли полного развития. Начался сезон добычи осенней шкурки тарабагана и монголы разъезжают по степи с кремневками, подстерегая тарабаганов у нор.

Пищухи (*Lagomys sp.*) менее заметны, но не менее, если не более многочисленны. Норами их испещрена вся степь.

Весьма многочисленны также и мыши нескольких видов, все короткохвостые, т. е. полёвки. Живут они большей частью целыми колониями, среди кустиков караганы.

Несколько раз среди степи наблюдался *Cricetus sp.*, по-видимому, аналогичный добытому на Ноин-Уле. Один раз наблюдался тушканчик на переходе Сосын-Даба - Джиргаланту, поздними сумерками.

Близ стоянки в Бага-Гадзырыин-Чулу был пойман молодой экземпляр *Lepus tolai*. Более он нигде не наблюдался.

Spermophilus отмечался ср[авнительно] редко.

II. Aves

Заметки о наблюдавшихся птицах необходимо разделить на две части, именно: а) птицы, встречаемые по степи во время переходов, и б) птицы, местообитание которых приурочено к различного рода водоёмам.

а) По всему пространству степи встречены следующие птицы:

Melanocorypha mongolica, Alauda sp.? (эти два вида весьма часто), Otocoris alpestris (несколько реже), Saxicola isabellina (?).

Из хищников весьма обыкновенен Milvus lineatus, предпочитающий держаться вблизи монгольских кочевий, и орлы, о которых весьма трудно сказать что либо определённое. Два раза наблюдались *F. tinnunculus*.

Кроме того, вблизи водоёмов совершенно обязательны несколько

особей *Anthropoides virgo* и *Casarca rutila* (турпан).

б) Теперь об «авистанциях», каковыми являются самые незначительные лужицы, колодцы, болотца, озёрки и т. п. Следует сказать о каждой в отдельности.

1. Толу отметить нечем, т. к. мы стояли довольно далеко от нея, на возвышенной береговой террасе. Близ стоянки отмечена стая *Corvus frugilegus*.
2. Тургэн гол (29/VIII). По речке наблюдались кулички, вероятно *Tringa sp.?* Кроме того отмечена пара удонов (*Upupa epops*), летевшая под вечер от скал к аилу.
3. Урочище Бугук (близ Бугук гола). Местность – широкая долина. По тальвегу обширные мочежины, питаемые ключиками. Мочежины эти окружены дэрэсуном и касатиком (*Iris sp.?*). Наблюдались следующие птицы: *Gallinago megala* – стайкой в 5-6 особей в густой траве, растущей по мочежине; *Tringa sp.* (№ 1 коллекции) – стайкой в 20-30 шт., *Tringa sp.* (№ 4) отдельными экземплярами по лужицам, серые и жёлтые плиски (*Motacilla sp. sp.*).
4. Ур[очище] Гансы-худук. Ключик, разливающийся небольшими мочежинками, и теряющийся потом в степи. Наблюдались *Tringa* тех же видов (1 и 4), *Gallinago Megala* (до 10 особей). Эти последние, как и всегда, держатся в густой траве, растущей по мочежинам.
5. Ур[очище] Хайрхан-буритэ (к югу от Сосын-даба). Озёрко-лужа. Здесь можно отметить лишь пару турпанов с выводком ещё не летающих птенцов.
6. Ур[очище] Джиргаланту. Маленький ключик, текущий по степи. Наблюдалась большая стая *Passep sp.?* (№№ 7, 8) и единичный экземпляр *Tringa* (№ 1).
7. Ур[очище] Эрдэн-Тологой-худук. Безлюдное, но богатое кормом урочище. Колодец, несколько лужиц и высохшее дно большой лужи-озерка. Вокруг на большое расстояние заросли дэрэсуна. Кое-где солонцеватые голые площадки. Орнитофауна относительно богатая. Постоянными, по-видимому, обитателями этого урочища являются серые и жёлтые плиски (*Motocilla sp. sp.*) (№№ 10, 11) в большом количестве; *Emb. Schoeniclus* (№ 12) – изредка; *Upupa epops* (один экземпляр) – все эти виды наблюдались в зарослях дэрэсуна. Около воды пара *Charadrius*'ов (№ 13), стайка чибисов (*Vanellus vanellus*) – пролётом, в этом урочище не задержались; затем стайка *Syrnhaptus paradoxus* – первых на пути от Урги. Начиная с этого урочища бульдрук встречался близ каждого водоёма, то стаями, то единичными экземплярами. Кроме того, около лагеря пролетел

единичный экземпляр *Gallinago Megala* (?) – последний, (вероятно) на нашем маршруте.

8. Урочище Баин-барат. Весьма богато водой. Имеется целый ряд озерков с частью песчаными, частью вязкими иловато-глинистыми берегами. Птиц наблюдалось много. Несколько особей *Numenius arquatus*, одна *Larus sp.*, стайки шилохвосток, смешанные стайки нескольких видов мелких куличков (№ 15, 16-17, 18) и утки (чёрная голова, белая грудь, крылья чёрные с белым). На одном из озерков наблюдался большой выводок совсем ещё маленьких утят. В дэрэсуне *Emb. Aureola* и *Emb. Schoenichus* (№ 12). Кроме того, у большинства колодцев наблюдались удода.

Маршрут Дайчин-бейсе – горы Хурху

Если первый этап разезда может быть назван исключительно степным, то второй, вдвое больший, носит уже характер полупустыни, а близ гор Хурху - пустыни.

Mammalia

Из хищных наблюдались волк и лисица. Волк, наверное, распространён по всему данному этапу разезда, но видели мы его лишь однажды, именно близ ур[очища] Нарын-худук, где он почти на наших глазах задрал бродячую лошадь. Жалобы со стороны монгол на особенное обилие волков мы слышали в районе кол[одца] Дзере-худук.

Лисицу я наблюдал дважды, и оба раза в горах. Можно сказать почти с уверенностью, что на пройденном пути нет горной группы, в которой отсутствовали бы лисицы.

Первую я наблюдал на вечерней экскурсии в окрестностях кол[одца] Дэрэсу-худук. Лисица медленно подвигалась по каменистому склону холма, обыскивая каждый кустик, каждый камень. Вторую же я видел в небольшой горной группе близ ур[очища] Бударган-худук среди дня. Убегая от меня, она останавливалась и отрывисто, хрипло лаяла.

Начиная с Улан-худука на каждом перегоне, в большем или меньшем количестве встречались дзере (*Antilope gutturosa*). Обычно они бывали весьма осторожны. Но, помимо этого, в смысле охоты мне просто не везло, и добыть удалось только взрослую ♀.

Один раз, наблюдая их на довольно близком расстоянии, я слышал звуки, издаваемые ими в встревоженном состоянии. Звуки эти тихи, невнятные и отдалённо напоминают не то мяуканье, не то тьяканье. Образ жизни их несложен и сходен с таковым хара-сульты, да отчасти и лесных

копытных. Днём дзере лежат, выбирая предпочтительно какой-нибудь пологий склон. Утром и под вечер кормятся. Часть ночи, вероятно, также лежат.

Хара-сульты сменили их южнее гор Бага-Шанхай. Таким образом, на нашем маршруте границы распространения дзере определяются урочищами Эрдэн-Тологой-худук с севера и Бага-Шанхай с юга с перерывом от ур[очища] Цаган-нур до Улан-худука. Перерыв этот зависит, по-видимому, от большей населённости местности вблизи тамги Дайчин-бейсе.

Хара-сульты же (*Antilope subgutturosa*) попадались, начиная с окрестностей кумирни Барун-цзу, почти на каждом перегоне, причём наибольшее количество их встретилось в пустынной равнине к северу от гор Хурху. Относительно их образа жизни можно повторить сказанное о дзере. Отмечу лишь, что и они издают в встревоженном состоянии звуки, напоминающие фырканье или храп.

О грызунах можно сказать следующее. Тарабаганы (*Arctomys sp.*), столь характерные для севернохалхасской степи, исчезли на первом же перегоне от Дайчин-бейсе. Последние единичные экземпляры наблюдались близ Улан-худука.

Тушканчики (*Dipus sp.*) отмечены близ Дэрэсу-худука, кум[ирни] Аворх-сумэ и Дзере-худука. Таким образом, весьма вероятно, что они встречаются на всём протяжении данного этапа.

Затем близ Дэрэсу-худука замечены, по-видимому, песчанки. Впрочем, в коллекцию не удалось добыть ни одной и поэтому не могу говорить об этом с уверенностью. Далее они не попадались.

Заяц (*Lepus tolai*) наблюдался всего один раз в горах южнее Дэрэсу-худука.

Aves

О птицах по-прежнему приходится говорить по стоянкам, около которых и сосредоточивалась главным образом орнитофауна.

Цзонты-худук. 13/VIII. Отмечены жаворонки (*Alauda sp.*, *Melanocorypha mongolica*, *Otocoris Brandti*), затем *Saxicola isabellina*, *Upupa epops*, последний, как обычно, в небольшом числе экземпляров. На перегоне до этого колодца – *Syrrhaptes paradoxus*, которые, впрочем, попадались дальше на каждом перегоне, так что о них я и не буду упоминать.

На переходе в Улан-худук 14/VIII отмечена стайка сивок (*Charadrius sp.*), вероятно того же вида, что и экземпляр, добытый впоследствии на Бударган-худуке (№ 24 колл.). Близ Улан-худука те же жаворонки и чеккан (№ 20, 21, 22). Отмечу, что *Melanocorypha mongolica* далее в пути нам не попадались.

В холмистой местности близ Дэрэсу-худука 15/VIII нам впервые попались в большом числе дрофы (*Otis tarda Dybowskii*), разгуливавшие по каменистым склонам холмов. Кроме того, близ колодца наблюдались в последний раз *Anthropoides virgo*. Турпанов после Дайчин-бейсе мы не видали. На этом же колодце отмечен удод.

16/VIII. Переход от Дэрэсу-худука до Бударган-худука делится на две части. В первой из них, холмистой и богатой скалами, отмечено большое количество дроф, сокол (добыть не удалось). Во второй же, пустынной равнине, отмечена у маленькой ямки с водой одинокая дрофа и стайка сивок. В Бударган-худуке парочка тех же сивок (одна была убита: № 24) и опять одинокая дрофа.

Могойтэ-худук. 17/VIII. В скалистых холмах отмечены *Lanius cristatus*, *Falco tinnunculus*, *Otocoris* другого вида (добыть не удалось) и впервые *Saxicola atrogularis*? В зарослях же дэрэсуна близ колодца овсянки двух видов (*Emb. schoenichlus* и *Emb. sp.*, м[ожет] б[ыть] аналогичная № 50). Кроме того, к лагерю прилетал вóрон (*Corvus corax*), а поодаль я видел одинокую дрофу. Далее мы их не встречали (т. е. дроф).

Следующий большой переход привёл нас в богатое водой урочище Тугрюк. 18-19/VIII. Здесь имеются два небольших озера, окружённых полосой вязкой красной глины и, далее, песчаными барханами, поросшими хармыком. Много камыша и дэрэсуна. Орнитофауна оказалась, как и следовало ожидать, сравнительно богатой. Отмечены *Numenius arquatus* (в довольно значительном количестве), пара крякв (*Anas boschas*), одинокая чайка, в отношении которой не удалось определить даже рода, много сивок (*Charadrius sp.*), *Tringa* (№ 1 колл.). Затем по дэрэсуну овсянки двух видов, аналогичных отмеченным в Могойтэ-худуке, *Upupa epops*, *Phylloscopus* (см. № 38) и, около колодца, чекканы (*Sax. isabellina*).

Иртын-тологой-худук. 20/VIII. В каменистых холмах *Lanius cristatus*, камышёвка (см. № 33) и *Saxicola atrogularis*.

После Иртын-тологоя мы пересекли скалистую грядку Тьль, в которой отмечены *Saxicola atrogularis* и в одной из долин *Helidon sp.*, и остановились в горах же у кум[ирни] Аворх-сумэ. 21/VIII.

Здесь во время экскурсии я впервые встретил и добыл *Podoces sp.* Отмечены *Saxicola atrogularis*, *Lanius cristatus* и *Falco tinnunculus*.

22/VIII. Следующий переход привёл нас к невысокой гряде Бага-Шанхай, где в каменистых холмах близ кол[одца] Цаган-хада я встретил нескольких *Upupa epops*, *Phylloscopus* того же вида, что и в Тугрюке, *Saxicola isabellina* и жёлтую плиску.

После Цаган-хада мне пришлось ехать за проводником в кум[ирню] Барун-цзу, где я и ночевал и, следовательно, не экскурсировал. На другой

же день мы пришли в ур[очище] Нарын-худук. 24/VIII.

Там среди дэрэсуна неожиданно *Caprimulgus sp.*, затем камышёвка (№ 33), *Emberiza sp.* (№ 34), оба чеккана (*Saxic. isabellina et atrogularis*), вóрон. В степи, на задранной волками лошади *Milvus lineatus* и, впервые, *Vultur monachus*.

25/VIII. Ур[очище] Гум-усу. По дороге в сухом русле много *Podoces sp.* и чекканы.

26/VIII. На переходе от Гум-усу к Гум-булэ мне повезло в стрельбе из винтовки по хищникам. Добыл *Falco cherrug*, *Buteo sp.* и *Milvus sp.* Кроме того, в степных увалах близ Гум-усу безрезультатно гонялся за парой малых дроф (?).

В Гум-булэ пришли поздно и я не экскурсировал.

На следующий день 27/VIII мы вышли на маршрут Н.М. Пржевальского в ур[очище] Дзере-худук и ночевали южнее ур[очища] Имыгын-булык. Не экскурсировал.

28/VIII мы пришли в горы Хурху и остановились на более продолжительный срок у кол[одца] Хайчи-худук, в центре гор.

Чтобы закончить сводку наблюдений над фауной позвоночных данного этапа, необходимо сказать несколько слов о пресмыкающихся.

Переход от севернохалхасской степи к полупустынной полосе сев[ерной] Гоби сразу был отмечен появлением уже близ Улан-худука первых ящериц обычных в Гоби родов *Eremias* и *Phrynocephalus*. Затем близ Могойтэ-худука отмечена и поймана первая змея (см. коллекцию). Затем ещё один экземпляр этого же вида был пойман близ Имыгын-булага. Ящерицы же обоих родов встречались на каждом или почти на каждом перегоне.

Стоянка в горах Хурху

В горах Хурху мы простояли с 28/VIII по 8/IX. В смысле зоосборов обстоятельства сложились крайне неудачно. Получив от начальника экспедиции задание добыть в этих горах аргали, я почти всё время стоянки употребил на безрезультатную охоту за ними, и на экскурсии за пернатыми осталось каких-либо два дня. О причинах неудачи охоты за аргали и козлами см. ниже.

О млекопитающих этих гор и окрестной пустыни можно сказать следующее.

Из копытных в горах водятся аргали и горные козлы (*Ovis Darvini?* и *Capra sibirica*), в пустыне же у подножья гор, хара-сульты. Из хищных

имеется волк, лисица. Весьма вероятно наличие какого-нибудь хорька или каменной куницы, но расспросить об этом подробно было некого, а сами мы ничего в этом роде не видели.

Из грызунов отмечен заяц (*Lepus tolai?*), а из рукокрылых – летучая мышь, добыть которой не удалось.

Об аргали и горных козлах следует сказать несколько подробнее.

Из расспросов местных жителей я узнал, что в самих горах Хурху, близ нашей стоянки аргали не имеется, т. к. этот зверь не любит высоких скалистых гор и узких глубоких ущелий, но что почти наверное после тщательных поисков можно найти аргали в отдельной группе гор, расположенных к югу от вост[очной] части Хурху, в 25 вёрстах от нашей стоянки. Но и там их весьма немного. Горный же козёл встречается в небольшом количестве, как в основном хребте, так и в упомянутой отдельной группе.

Оба эти зверя, благодаря преследованию их монголами-охотниками, весьма строги, что в соединении с их незначительным количеством, создаёт весьма трудные условия для охоты за ними. Вдобавок ко всему этому я, прекрасно ознакомившийся с условиями охоты в лесу и с привычками лесного зверя, не имел никакого понятия о привычках горных копытных и о методах охоты за ними. Местного же охотника, могущего служить руководителем, мы достать при всём желании не могли.

Наконец, лошадей наших, сильно уставших за переход от Дайчинбейсе до Хурху, мы сдали на пастбу и все экскурсии, даже за 25 вёрст в упомянутую группу гор за аргали, приходилось совершать *per pedes apostolorum*, лишь иногда нанимая верблюдов у местных монгол.

Видеть аргали мне всё-таки удалось, так же и горных козлов. Наблюдения же над ними оказались весьма скудными и сводятся к следующему: как аргали, так и козлы предпочитают бродить стадами. Кормясь утром и вечером, они, по крайней мере, в начале осени, ложатся утром весьма поздно и под вечер рано снова встают на кормёжку. Видят и слышат они превосходно. Аргали предпочитают более мягкие формы гор, предгорья, в то время как козлы любят самые дикие, скалистые горы, бедные растительностью, с узкими, глубокими ущельями. Пришлось мне слышать и звуки, издаваемые козлами в тревоге. Они походят на громкий отрывистый свист или чириканье и заставляют новичка предполагать, что поблизости имеется скорее средней величины птица, чем сравнительно крупное четвероногое.

Кстати, несколько слов о монгольском названии горного козла (*Capra sibirica*). Пржевальский, упоминая в 3-м путешествии о горных козлах в горах Хурху, говорит, что монголы называют их «улан-яман», т. е. красный

козёл, вероятно в противоположность куку-яману, т. е. голубому козлу. Я же впервые услышал от монгол об этом козле в кумирне Барун-цзу, начиная от этого пункта и далее, по всем местам, где только заходила речь о нём, везде слышал название «янгер-яман», или просто «янгер». Названия же «улан-яман» мне слышать не приходилось.

Вследствие этого я в дальнейшем буду придерживаться названия «янгер», как очевидно более распространённого в настоящее время.

Aves

Птиц отмечено в горах Хурху около 20 видов.

Из хищных наблюдались *Vultur monachus*, *Hupaëtus barbatus*, державшиеся скалистых вершин, *Falco tinnunculus* и, близ лагеря, *Milvus lineatus*. Вечерами мы неоднократно слышали филина (*Bubo sp.*).

У высоких скал часто кружились клушицы (*Pyrhhorcorax graculus*), а по россыпям крутых склонов хлопали стаи кэкликов (*Caccabis chukar*). Молодые особи этих последних ещё не достигли во время нашего пребывания в Хурху полного роста и отличались от старых оперением.

Из мелких птишек отмечены следующие.

Motacilla sp. (жёлтая) – у ключика и в большом ущелье.

Saxicola sp. (№ 43) – по каменистым ущельям.

Carpodacus sp. (№ 44) – может быть пролётный. Коллекционный экземпляр убит из стайки на ильме у ключика.

Emberiza cia Godlewskii – стайки по ущельям.

Muscicapa sp. – м[ожет] б[ыть] пролётная. Несколько экземпляров по ильмам.

Phylloscopus (зелёная, № 38) – весьма часта по мелким кустарникам склонов ущелий (*Prunus*, *Caragana*, иногда хармык).

Apus sp. в большом числе летали над скалами.

Кроме того, в большом ущелье близ лагеря наблюдалась стайка *Alauda sp.* и иногда *Urupa erops*.

Наконец, незадолго перед отъездом из Хурху, во время одной из охот в отдельной *SO* группе, я наблюдал самца *Luscinia calliope*, по всей вероятности пролётного.

В пустыне же, начинающейся сразу у подножья гор, наблюдались *Podoces sp.* и *Saxicola isabellina*, а у монгольских кочевий *Motacilla alba baicalensis*, м[ожет] б[ыть] пролётная.

Из пресмыкающихся в самых горах можно отметить лишь маленькую ящерицу неизвестного мне рода, пойманную для коллекции, да изредка *Phrynocephalus*'ов.

Маршрут Горы Хурху – горы Ноин-Богдо

Этот этап нашего пути пролегал исключительно по Центральной Гоби, притом в широтном направлении.

Mammalia

Неизменные хара-сульты по-прежнему попадались на каждом перегоне. Кроме них наш главный караван не видал ни одного крупного млекопитающего. Но по расспросным сведениям в мелких горных группах, попадавшихся на пути, везде имеются волки и лисицы.

Маленький же разъезд наш, отправившийся из Олон-худука в Харакхото, видел западнее ур[очища] Цяйлим трёх хуланов (*Asinus sp.*). Кроме того, по свидетельству разъезда, посланного Учёным Комитетом Монгольского Нар[одного] Правительства в прошлом, 1924 г., хуланы, первые по пути этого разъезда с востока на запад по монголо-китайской границе, были встречены близ ур[очища] Балбырха, а по единогласному утверждению местных монгол они попадают в широкой пустынной равнине между горами Ноин-Богдо и Сиврэ, далее же к востоку в этой же долине не попадают.

Таким образом, в этих широтах вероятная восточная граница распространения хуланов определяется линией Сиврэ – Ноин-Богдо – оз[еро] Сого-нор.

Из грызунов можно отметить зайца, встреченного в ур[очище] Баинбулаг, затем в щебневой пустыне к западу от последнего, и в ур[очище] Тырмыс, среди саксаульника. В саксауловом лесу в ур[очище] Холоин-Гашун в песчаных барханах отмечено большое количество песчанок (*Gerbillus*), экземпляры коллекции взяты именно отсюда.

Весьма вероятно, что по всему этапу встречаются *Dipus'ы sp.*, так как три пойманных экземпляра распределяются так: один на безводной ночёвке к западу от Баин-булага, а два близ ур[очища] Холоин-Гашун.

Aves

Теперь о птицах.

8/IX. Первый переход из Хурху привёл нас к весьма приятному среди бесплодной щебневой пустыни уголку, справедливо называемому Баинбулаг, т. е. богатый ключ. Обширные заросли хармыка, дэрэсуна, а главное, необычное в пустыне обилие проточной воды в виде 3-4 маленьких ключиков, привлекли сюда много как оседлой, так и пролётной птицы. К сожалению, сильный ветер, иногда переходивший почти в бурю, мешал

успешному экскурсированию.

Отмечены следующие виды: стайка *Anas boschas* (пролётная), пара *Anas* sp. (№ 46), до десятка экземпляров *Gallinago megala* (вероятно пролётные), затем *Tringa* sp. (№ 1?), какие-то мелкие кулички, весьма много *Motacilla (alba baicalensis* и № 49), *Alauda* sp. (№ 47), в хармыке *Phylloscopus* sp. (см. г. Хурху) и в дэрэсуне *Emberiza* sp. (№ 50) и *Upupa epops*.

Следующая моя экскурсия была в ур[очище] Сулит-худук 10/IX, где мы останавливались на обед. Отмечены лишь пара *Podoces*, стайка *Otocoris Brandti* и около колодца две-три плиски (*Motacilla* sp.).

У кумирни Аршан-хурул я не экскурсировал, т. к. был занят покупкой продовольствия и собиранием некоторых расспросных сведений.

В ур[очище] Тырмыс-худук 13/IX, богатом саксаулом и дэрэсуном, орнитофауна оказалась сравнительно обильной, в особенности по сравнению с предыдущим Сайрэн-худуком, где за экскурсию не было отмечено ни единой пташки. Именно в этом урочище встречен первый и последний на всём пути большой серый сорокопут, похожий на *Lanius excubitor mollis*, б[ыть] м[ожет] даже именно этот вид; добыть его, несмотря на все старания не удалось.

Затем отмечены новый чеккан, пеночка (не зелёная, но тоже аналогичная одному из Ноин-Ульских видов), *Saxicola isabellina*, плиски, *Falco tinnunculus*, и в большом количестве *Emberiza* sp. (та же, что и в Баин-булыке).

Убитые на второй день нашего пребывания в этом урочище перед самым уходом чеккан, пеночка и стренатка не могли быть сейчас же отпрепарированы и, несмотря на заложенный им в горло спирт, к вечеру испортились.

В ур[очище] Холоин-Гашун 15/IX, несмотря на обширные заросли саксаула, птиц оказалось весьма мало. Видел *Podoces*, одинокую *Motacilla* sp., пеночку (№ 51), *Milvus lineatus* и *Milvus* sp. (№ 37).

Следующим переходом мы достигли ур[очища] Шильбисын-гол, 16-17/IX, далеко не оправдавшего наших ожиданий, т. к. воды, кроме колодцев, не оказалось. Из растительности имелись ильмы, саксаул и тамариск. При тщательных поисках здесь, быть может, и удалось бы найти что-либо интересное, но, как на зло, мне нездоровилось и я едва имел силы сделать весьма небольшую экскурсию, во время которой отметил вóрона, *Falco subbuteo* в числе нескольких особей, б[ыть] м[ожет] выводок; затем *Passer* sp. (№ 53) и *Motacilla* sp.

В ур[очище] Олон-худук 18/IX отмечены лишь *Motacilla* sp. Здесь я не экскурсировал, т. к. помогал в сборах нашего разезда в Хара-хото.

В ур[очище] Тарбагай-худук 19/IX наблюдались вóроны, *Emberiza* sp. (вероятно аналогичная № 50), *Motacilla* sp. и чекканы (*Saxicola isabellina* et

atrogularis).

На следующих двух остановках до гор Ноин-Богдо я не экскурсировал, т. к. в ур[очище] Будун-модо разыгралась форменная буря, а в ур[очище] Убутук мне пришлось вести переговоры с местным начальством касательно стоянки в Ноин-Богдо.

В отношении пресмыкающихся Центральная Гоби, как и следовало ожидать, оказалась наиболее богатым районом на нашем пути. Пойманы два вида змей. Экземпляры маленькой зеленоватой змейки добыты – один близ Сулит-худука, другой – близ Холоин-Гашуна. Большая же серая змея поймана близ ур[очища] Сэрбэин-худук.

Затем, начиная уже от Баин-булага, попадались *Eremias sp.* весьма крупного размера (см. коллекцию) и масса обычных мелких *Eremias* и *Phrynocephalus*.

Заметка об осеннем пролёте птиц, наблюдавшемся в горах Хурху, во время пути по Центральной Гоби и в горах Ноин-Богдо

Охарактеризовывая наблюдавшийся пролёт в нескольких словах, приходится сказать, что больших пролётных путей мы не пересекали, наблюдения сводятся к отметке весьма небольшого количества пролётных стай на протяжении большого промежутка времени и, таким образом, массовый пролёт каких бы то ни было видов, не наблюдался.

Больших пролётных станций на нашем пути не было. Поэтому вся крупная птица наблюдалась исключительно в воздухе. В маленьких же оазисах близ ключей и колодцев и в горах отмечены пролётные птицы не крупнее краквы. Не будучи достаточно знаком с ареалами некоторых видов мелкой птицы, я должен говорить об этих видах, как о пролётных, только в виде предположения, т. к. весьма короткое время пребывания на стоянках в пути не позволяло судить, оседла ли данная птичка в данном месте, или же это лишь временная её остановка в дороге.

В горах Хурху отмечены, как возможно пролётные *Muscicapa sp.* (№ 45 колл[екции]), *Carpodacus sp.* (№ 44 колл[екции]), *Motacilla alba baicalensis* и *Luscinia calliope* – все эти птицы в незначительном числе особей.

В ур[очище] Баин-булаг: *Anas boschas*, *Anas sp.* (№ 46 к[оллекции]), *Gallinago megalis*, *Tringa sp.* и *Motacilla alba baical.*

После Баин-булага весь остальной переход по Центральной Гоби до гор Ноин-Богдо отметить нечем. Несколько особей *Motacilla alba* по разным колодцам, да большой серый сорокопуд в ур[очище] Тырмыс, вот и всё, да

и то сорокопут под вопросом в смысле пролёта.

В горах Ноин-Богдо, несмотря на продолжительный срок пребывания в них отмечено тоже сравнительно небольшое число пролётной птицы. Стайки *Motacilla* разных видов держались в горах до второй трети октября.

8/X отмечена пролётная стайка *Anthus* 'ов (№ 59 к[оллекции]). Кроме того, в эти же сроки изредка отмечались отдельные экземпляры *Phoenicurus sp.*, стайки и отдельные особи *Turdus ruficollis* и *Turdus sp.*

В качестве отлётной птицы можно отметить *Saxicola isabellina*, *Milvus lineatus* и *Tichodroma muraria*.

Касательно же пролёта крупной птицы, наблюдавшегося, как указано выше, исключительно в воздухе, необходимо отметить следующее.

В горах Хурху в первой декаде сентября замечено было несколько стай журавлей и гусей, летевших с некоторым уклоном к востоку, т. е. по направлению к Жёлтой реке.

На дальнейшем пути отмечена стая гусей, летевших ночью над нашим бивуаком в пустыне к *W* от Баин-булага.

В горах Ноин-Богдо также отмечен ряд гусиных стай, пролетающих над восточной частью этих гор в течение последней недели сентября и всего октября. Особенно усиленный лёт гусей наблюдался в последний числа октября. К удивлению, направление их лёта определяется румбом *SOS*, в то время, как низовья Эцзин-гола и, следовательно, такие водные площади, как Сого-нор и Гашун-нор лежат в направлении *SW*. Очевидно, птицы направляются в долину Гойцзо и далее к Жёлтой реке.

Кроме всего вышеизложенного, необходимо ещё упомянуть о лёте бульдюков (*Syrrhaptes paradoxus*).

Как было указано в зоологических заметках касательно пути по Северной и Центральной Гоби, бульдюки, столь частые по Хурху, совершенно отсутствовали по маршруту Хурху – Ноин-Богдо. И вот, перед наступлением осенних ноябрьских холодов, в течение всего октября месяца отмечен усиленный лёт их над нашей стоянкой и вблизи её в направлении *SO*, т. е. к сев[ерному] Алашаню и далее к Ордосу. Особенного напряжения лёт этот достиг в последних числах октября, когда над нашими головами со свистом неслись тысячи этой гобийской птицы. Потом лёт бульдюков стал ослабевать, принял беспорядочный характер, т. к. часть стай летела прямо на *O*, даже к *NO*, и к середине ноября лишь иногда проносилась одинокая стайка.

Горы Ноин-Богдо

Наблюдения над животной жизнью в горах Ноин-Богдо велись с некоторыми незначительными перерывами в течение двух осенних месяцев (23/IX – 23/XI). Во главу угла положены были наблюдения над крупными млекопитающими, столь скудные в горах Хурху и почти отсутствовавшие в Халхасской степи и Гоби. Вследствие относительного обилия материала, относящегося к *Mammalia* на этой стоянке, я несколько изменю порядок этого очерка, поместив в начале заметку о птицах. О пресмыкающихся же говорить не придётся вовсе, т. к. в горах они не наблюдались, отчасти, вероятно, вследствие окончания летнего сезона.

Aves

Птиц в горах Ноин-Богдо наблюдалось около 25 видов, включая останавливавшуюся здесь пролётную мелкоту. Перечень наблюдавшихся птиц следующий.

Близ высоких гребней и скалистых вершин неоднократно можно было видеть паривших в воздухе *Vultur monachus* и *Hyaëtus barbatus*.

Над лагерем часто кружил *Milvus lineatus*.

Из более мелких хищников изредка видел я какого-то большого сокола, несколько экземпляров *Falco tinnunculus* и *Falco subbuteo*. Однажды последний наблюдался в момент охоты за мелкими птичками. Хищник воспользовался обыкновением этих последних залетать для водопоя в узкие монгольские колодцы и подстерегал их у отверстия колодца.

По вечерам после наступления темноты мы несколько раз слышали далёкое гуканье филина (*Bubo sp.*). К лагерю изредка прилетали вóроны (*Corvus corax*), а близ скал, над каменистыми ущельями, кружились обыкновенные здесь клушицы (*Pyrrhocorax graculus*). К этим последним в незначительном числе примешиваются галки (№ 61 колл[екции]).

В предгорьях и по широким долинам внутри гор часто можно слышать верещанье саксаульной сойки (*Podoces sp.*). Весьма обыкновенны здесь кэклики (*Caccabis chukar*), придерживающиеся узких каменистых ущелий. Попадаются они стаями от 5 до 30 особей. Молодые в это время уже вполне походили на старых, как оперением, так и величиной (см. Хурху). Здесь кэклики не преследуются человеком, а потому весьма доверчивы и любопытны. Мне приходилось видеть их на расстоянии сажени. Заметив неподвижно стоящего человека, кэклики вытягивают шеи и приближаются, чтобы разглядеть странное явление. Спасаются они всегда сначала бегством, притом в гору. Спугнутые же сверху, слетают вниз на противоположный склон и там бегут опять таки вверх. Летают плохо. Днём их часто можно

видеть в сухих руслах, где они охотно купаются в песке. Кормятся обычно также внизу около русел.

Раза два в скалах наблюдались *Columba rupestris*.

Из мелких птичек отмечены следующие:

Emberiza cia Godlewskii и *Emberiza cioides* стайками, часто вместе, обыкновенны.

Erythrospiza mongolica (№№ 57, 58) – стайками.

Несколько реже овсянок.

Acanthis sp. (№ 60) – стайками.

Accentor fulvescens (№ 56) – весьма часта стайками и единичными экземплярами.

Accentor sp. (№№ 54, 55). Кроме убитых экз[емпляров] не наблюдалась.

Otocoris Brandti – стайками. Чаше стал попадаться в ноябре.

Касательно остальных видов пернатой мелкоты гор Ноин-Богдо – см. заметку о пролёте.

Mammalia

Горы Ноин-Богдо оказались весьма богатыми если не числом видов, то во всяком случае количеством особей крупных млекопитающих.

Перечень наблюдавшихся видов следующий:

Ovis sp.

Capra sibirica?

Antilope subgutturosa (заходит из пустыни в широкие долины среди гор).

Felis irbis

Canis lupus

Vulpes sp.

Lepus sp.

Lagomys sp.

Кроме того, по расспросам оказалось, что здесь имеется какой-то мелкий хищник, из хорьковых, что-нибудь вроде каменной куницы. Помимо её весьма вероятно ещё присутствие различных мышей и тушканчика, к сожалению не добытых и не наблюдавшихся.

Аргали в этих горах весьма обыкновенны, но, конечно, встречаются не сплошь, а большей частью по окраинным горам и холмам, более мягким по очертаниям и более низким. В восточной части гор Ноин-Богдо излюбленным их местопребыванием служит обособленная группа Хоримцук, в которой, как бы особенно подчёркивая её пригодность для обитания аргали, почти совершенно отсутствуют янгеры. При всём этом,

наверное, нельзя встретить аргали лишь на самых диких, скалистых массивах главной оси хребта. Образ жизни их довольно прост и схож с таковым большинства диких копытных. В одиночку, парами и небольшими стадами, до 10-12 шт. в стаде, бродят аргали по каменистым холмам и песчано-галечным сухим руслам родных гор, пощипывая скудную растительность в виде коротенькой травки, или мелких кустарников. Выходя на заре на кормёжку, они кормятся, по крайней мере, осенью, довольно долго, и ложатся, когда солнце поднимется уже порядочно. Для отдыха аргали подыскивают северные склоны холмов, по возможности, затенённые высокими обрывами и скалами. Поздней осенью, когда уже и днём довольно холодно, они ложатся и на солнцепёке. Перед вечером, часов в пять пополудни они снова встают и идут кормиться, ходят до темноты. Ночью, вероятно, также лежат. Перед тем, как лечь, аргали долго стоит неподвижно, прислушиваясь и присматриваясь к окружающему, а затем слегка разгребает лежащий на поверхности земли щебень и ложится в образовавшееся небольшое углубление. Лежит чутко. Да и помимо этого, его окраска настолько сливается с окружающими его камнями и россыпями, что заметить лежащего аргали, даже на сравнительно близком расстоянии – дело трудное. Звуков аргали, по-видимому, не издаёт вовсе.

Вообще же горного барана следует признать животным умным и весьма осторожным. Исключением в смысле осторожности могут быть лишь живущие в малолюдных местностях, где, почему-либо, отсутствуют охотники и, следовательно, аргали не преследуются. Во время кормёжки стадо горных баранов движется обычно медленно и почти бесшумно. Переваливая холм или гребень, они идут гуськом, причём каждая особь, особенно идущие первым и последним, подолгу неподвижно стоит на гребне, лишь изредка поворачивая в разные стороны голову, слушая и высматривая опасность. Видят и слышат они превосходно. Спугнутый аргали бежит или прямо вверх, или наискось по склону, причём почти всегда, пробежав десяток-другой сажень, останавливается, чтобы рассмотреть опасность подробнее. Если горный баран, особенно самец, не слишком напуган шумом, то он часто забегает за выдающуюся скалу или вершину холма, взбирается на неё и, не показываясь весь, а только осторожно высовывая свою могучую голову, пытается разглядеть, в чём дело. Если по пути бегства аргали встретит широкую долину или даже небольшой участок пустыни – он не смущается этим и в карьер пускается к дальним спасительным горам. Спугнутые мною как-то раз семь голов аргали, пересекли участок пустыни около 4-х вёрст ширины, всё время подвигаясь крупной рысью.

Весьма любопытным является то, что окраска шерсти аргали,

обитающего в горах Ноин-Богдо, да по расспросам, и во всех соседних хребтах Гобийского Алтая, весьма варьирует, в зависимости от пола и возраста, а может быть и вследствие каких-нибудь других обстоятельств. Окраска молодых и среднего возраста особей варьирует от рыжевато-бурого до рыжевато-серого цвета, но особенно интересна резкая перемена окраски у крупных старых самцов. Общий бурый фон темнеет. Появляется сильная проседь, усиливающаяся постепенно на морде, шее и части спины в виде седла. Кроме того, шерсть на шее удлиняется, образуя как бы гриву. Удлиняется и делается несколько волнистой она и на седле, где седые волосы на определённом участке становятся совсем белыми. Получается на тёмном буром фоне яркое белое седловидное пятно. Ещё не достигший полной яркости новой окраски самец описан у Н.М. Пржевальского в его 3-м путешествии под именем *Ovis Darvini*. Путешественник встретил его к югу от гор Хурху, на северной окраине Галбын-Гоби.

Таким образом, встречая несколько раз большие (10-12 экз.) стада аргали, в состав которых входили особи обоих полов и разных возрастов, я, привыкнув к установившемуся однообразию типов других крупных млекопитающих, был поражён разнообразием окраса аргали, видя вместе и бурых, и серых самцов и самок, и великолепных стариков с пышной седой гривой и белым седлом.

Среди добытых мною и монголами вместе со мной экземпляров аргали имеются три взрослых самца, все отличающиеся друг от друга по окраске. Опираясь на экземпляры, описанные и привезённые Пржевальским, а также шкуру с черепом очень старого самца, привезённую из окрестностей г. Кобдо и подаренную экспедиции, оказавшуюся тоже с седой гривой и белым седлом, можно сказать, что эти изменения окраски имеются у всех, или почти всех монгольских горных баранов от Кобдо и до Хурху, по крайней мере.

Самки с изменившейся окраской, по словам монгол-охотников, встречаются гораздо реже самцов и самые изменения у них не так ярки. Из 80 с лишним особей, которых я видел за свои охоты и странствия, не было ни одной самки с белым пятном, а старых самцов с таковым было штук 7. Одному из наших сотрудников пришлось таки видеть такую старую самку. Между прочим, монголы называют старых самцов «угольцин», а всех остальных «аргали».

Гон у аргали, если не ошибаюсь, бывает в октябре, а маленькие появляются в марте-апреле месяцах. По крайней мере, в самых первых числах мая я видел в горах Арца-Богдо в стаде самку с маленькими (двумя), прекрасно поспевавшими за стадом.

Во время гона у самцов, по всей вероятности, бывают драки. Однажды

я охотился за парой старых белоспанных самцов. Идя за ними, я вспугнул стадо молодых и самок, соединившееся на моих глазах в бегстве с самцами. Дело было к вечеру, а на следующий день утром мы встретили из вчерашней пары самца поменьше, кормившегося в одиночку. Очевидно, более крупный самец прогнал соперника и овладел стадом. Впоследствии этот крупный самец был убит монголом для экспедиции при совместной охоте.

За исключением времени гона, а может быть даже и в это время, присутствие в стаде лишь одного старика-самца отнюдь не является обязательным. Я встречал стада, как и вовсе без старых самцов, так и с тремя-четырьмя таковыми.

Стада, особенно большие, не спаяны крепко и часто разбиваются без видимых причин на более мелкие группы.

Успешная охота по горным баранам требует большого напряжения всех качеств хорошего охотника, т. е. выносливости в ходьбе по горам, крайней осторожности, большого терпения, хорошего зрения и твёрдой руки. Придя в район, где возможны аргали, охотник начинает пересекать долины и хребты, взлезает на выдающиеся пункты и подолгу высматривает зверя, осторожно высовывая из-за камней голову. Заметив кормящееся стадо, если обстоятельства не дают возможности скрытого обхода, охотник выжидает, пока звери не скроются за противоположным гребнем. Тогда следует возможно скорее перебежать долину к тому месту, где скрылись аргали и, поднявшись к гребню, снова осторожно высматривать. В небольших распадках и долинках часто один из самцов, пока стадо кормится, стоит сторожем на соседнем гребешке. Повторными перебежками, при соблюдении должной осторожности и при благоприятной местности можно приблизиться к стаду за гребнем на верный выстрел.

Мне как-то пришлось гнаться за кормившимися четырьмя аргали версты полторы, и в результате, я настиг их в мелких ложбинках, где была возможность приблизиться к сторожевому самцу на 80 шагов, в то время, как остальные три, невидные мне, были под бугром всего в 50 шагах!

На рану аргали весьма выносливы. Старый самец, с кремнёвочной пулей в сердце, проскакал шагов 300 и только тогда свалился. Раненные почти всегда уходят.

Местные монголы-охотники, благодаря большой практике, с успехом охотятся на аргали с кремнёвками, лучшая из которых бьёт не далее 200 шагов. Нормальный выстрел для них – 100 шагов. Дальше бьют редко, предпочитая выждать, чем пугать и тратить зря заряд. Пули льют сами, даже порох часто делают сами, доставая серу и селитру у китайцев.

Мясо аргали идёт в пищу, шкура выделяется с шерстью или голая.

С шерстью идёт на подстилку для сидения в юртах, иногда на одежду, голая же – на пошивку мешков и перемётных сум. Определённого сбыта нет, покупают при случае китайцы, или не охотящиеся зажиточные монголы. В общем, убитый аргали в сыром виде стоит 5 мекс[иканских] долларов. Рога обычно бросают.

Кроме человека, аргали преследуются, вероятно, волками и барсом, хотя последний предпочитает янгеров и даже кочует в зависимости от количества последних в той или другой скалистой группе. Впрочем, преследованию, вероятно, подвергаются лишь молодые и самки.

В заключение уместно вспомнить, какое огромное наслаждение испытывалось в те минуты, когда среди безмолвных глухих серо-зелёных гор удавалось видеть вблизи красавца-старика аргали, пышногривого, стройного и, вместе с тем, мощного, гордо несущего благородную голову, украшенную громадными рогами. Особенно красив самец тогда, когда ещё не почуял охотника и спокойно идёт своей неторопливой изящной походкой, или недвижно стоит на вершинке, чутко внимая горной тишине.

Гораздо чаще аргали в глубине гор можно встретить янгеров (*Capra sibirica?*). Если аргали я видел за два месяца около 80, то козлов от 200 до 250. В противоположность аргали, янгер выбирает самые дикие, самые бедные растительностью и богатые скалами, самые труднодоступные горы. Среди остроконечных скал, многосаженных обрывов, узких коридорообразных ущелий он чувствует себя прекрасно. Это – его царство.

Окраска его, тёмная серовато-рыжая, вполне подходит к цвету обожжённых гобийским солнцем скал и только привычный, зоркий глаз монгола-охотника сразу открывает присутствие иногда даже большого стада янгеров на, казалось, безжизненных скалах. На этих скалах и проходит вся его жизнь. Бродит он в гораздо более узком районе, нежели аргали и только упорное преследование человеком или барсом, или какие-либо другие, из ряда вон выходящие причины, часто неизвестные местным охотникам, заставляют его предпринимать более или менее дальние перекочёвки.

Кормом ему служит весьма скудная растительность скал и крутых каменистых склонов. На дно значительных ущелий и долин он спускается, лишь переходя с одного массива на другой. Воду он пьёт изредка, находя её в узких, затенённых щелях скал, где, льющаяся водопадом во время редких ливней вода выбила в камне за тысячелетия значительные углубления, играющие роль цистерн.

В этих щелях всегда тень, прохлада, тишина. На редких мягких участках почвы многочисленные следы проходящих на водопой козлов, да

обычно ещё несколько костей, черепов, да громадных, часто полуистлевших рогов их же, безвременно погибших в когтях барса или от пули охотника.

Здесь кстати скажу, что о водопое аргали мне ничего неизвестно. Монголы говорили, что аргали пьёт из таких же водоёмов, но, во-первых, он всегда держится вдали от подобных мест, не заходя в такие скалы, а во-вторых, я никогда не встречал у всех известных мне водоёмов следов и помёта аргали, тем более, их самих. Таким образом, этот вопрос в биологии аргали гор Ноин-Богдо пока открыт.

Образ жизни янгера весьма напоминает таковой аргали. Ночью он лежит, на заре встаёт и кормится, также до довольно позднего утра. Днём он или лежит же, или стоит неподвижно в тени скал на их выступках. Затем снова кормёжка.

При спокойной кормёжке янгер, особенно старый, пожалуй ещё медлительнее аргали, и ещё более последнего любит подолгу стоять совершенно неподвижно. Одиночные попадаются редко. Гораздо чаще можно видеть стада от 3-4 до 20 и даже 25 особей. Можно отметить, что в течение октября и ноября месяцев старые самцы чаще бродят отдельными обществами, чем вместе с самками и молодыми. Как они группируются в остальное время года – мне неизвестно. Стада, особенно большие, часто разделяются без видимых причин, что и произошло однажды на моих глазах, причём я оставался незамеченным.

Ловкость янгеров при лазании по узким карнизам громадных обрывов и при прыжках с камня на камень просто изумительна, тем более, что сложен козёл, особенно старый, не очень пропорционально. Плотное тяжеловатое туловище и короткие мускулистые ноги несколько не соответствуют лёгким и точным прыжкам по скалам.

Осторожен янгер так же, как и аргали. Огибая скалу, каждая особь стада обязательно остановится и, комично наклонив голову набок, заглядывает за угол. При перевале через гребень происходит то же самое.

Заметив опасность, козлы – самки и самцы одинаково – издают резкий свист, или скорее, чириканье, а затем стремительно пускаются в бегство, причём сыплющиеся из-под ног по крутому склону камни, так и грохочут. Если опасность они толком не разглядели, то, пробежав немного, они останавливаются и прислушиваются. Уходят обычно быстро и далеко, так, что найти их снова можно далеко не всегда, да и то, только отлично зная местность. Весьма зорки и чутки.

Старые самцы-янгеры, которых монголы называют «ухун», так же, как и таковые аргали, меняют с возрастом окраску. Вначале появляется более интенсивное, чем у молодых, почернение морды, спинного ремня, ног и лопаток. Таким образом, старый козёл производит впечатление, особенно

спереди, почти чёрного. У очень старых и потому редких экземпляров эта окраска доходит до густого чёрного цвета, в то время как остальная серовато-рыжая шерсть сильно седеет. Наконец, жёлтый оттенок исчезает вовсе и остаётся лишь светлый седой, издали кажущийся почти белым и чёрный цвета. Такие седые экземпляры встречаются весьма редко и рога у них достигают действительно громадных размеров. Я видел таких стариков всего раза 2-3, т. е. 1% общего количества виденных козлов. К сожалению, добыть такой экземпляр я не смог, и это важный пробел в небольшой возрастной серии янгеров, добытой мною в горах Ноин-Богдо.

Охота за янгерами требует от охотника тех же качеств, что и охота за аргали. То, что янгеры встречаются значительно чаще, уравнивается большей трудностью ходьбы по весьма крутым склонам и лазаньем по скалам, иногда не совсем безопасным. Частенько из-под ног или руки срывается и летит в пропасть камень, заставляя судорожно цепляться за ему подобные острые рёбра скал, которые, в свою очередь, могут оказаться ненадёжными.

Самая схема охоты почти такая же, что и на аргали. Выбрав какой-либо отдельный массив, где по соображению охотника должны быть звери, он, т. е. охотник, сообразуясь с ветром и солнцем (последнее при неудачном выборе направления, стоя утром и вечером низко на небосклоне, может, светя в глаза, помешать точному прицелу), огибает этот массив, пересекая приблизительно в полгоры ущелье за ущельем. Эти постоянные крутые подъёмы и спуски по камням, острым скалам и россыпям крайне утомляют. Перед каждым гребнем следует отдышаться и только тогда осторожно высунуть голову и тщательно осмотреть открывшееся ущелье.

При большой осторожности и благоприятных условиях можно приблизиться к янгерам весьма близко – на 40-50 шагов, хотя обычная дистанция выстрела 100-150 шагов. На рану янгер тоже весьма крепок.

Местные охотники-монголы охотятся за янгерами с таким же усердием, как и за аргали. Первого убивают, конечно, гораздо чаще. Янгер их обычная добыча.

Мясо едят, а прекрасную шкуру выделывают. Мясо янгера хуже мяса аргали и при слабом желудке способствует жестокому запору. Поэтому монголы совершенно правильно считают, что пожилому и больному человеку мясо это вредно. Старики-самцы осенью бывают очень жирны.

Мех у янгера прекрасный: мягкий, густой и прочный, совершенно не похожий на мех аргали, ломкий грубый волос которого очень близок волосу изюбря, косули и кабарги. Поэтому выделанные с шерстью шкуры охотно покупаются монголами же, китайцами, а на севере, у главной оси Алтая, и русскими, и идут на пошивку верхней одежды и меховых штанов.

Голая же кожа употребляется на мешки (тулуны) и перемётные сумы. Мясо в продажу не поступает, а потребляется обычно семьёй охотника. Выделанная осенняя шкура янгера стоит 1-2 мекс[иканских] доллара. Рога обычно бросают.

Кроме человека янгеров усердно преследует барс, да по всей вероятности, маленьких козлят таскает при случае бородатый ягнятник.

Хара-сульта или боро-дзере (*Antilope subgutturosa*) не является, конечно, постоянной обитательницей гор, но по временам заходит в низкие холмы предгорий и в широкие, богатые растительностью, глубоко вдающиеся к оси гор Ноин-Богдо. Ведёт себя также как и в пустыне. Монголы бьют и её, ценя особенно мясо. Действительно, из всей гобийской крупной дичи мясо молодой хара-сульты является самым вкусным и нежным, особенно осенью, когда антилопы достаточно жирны.

Покончив на хара-сульте с копытными, перейду к хищникам, из которых, несомненно, на первом месте надо поставить барса (*Felis irbis*), эту великолепную кошку, свойственную в Монголии главным образом Гобийскому и Монгольскому Алтаям. Аргали, янгер и барс составляют трио наиболее характерных для Гобийского Алтая млекопитающих.

К сожалению, о барсе я не могу сказать многое. Его присутствие в окрестных нашему бивуаку горах выявлялось только путём следов, часто весьма чётких и свежих, помёта да лёжек; наблюдать его не пришлось вовсе и большинство сведений я получил от местных охотников-монгол. Сведения эти сводятся к следующему.

Встречается барс скорее довольно редко, чем часто, так как охотничий район его очень велик и бродит он широко. Главной пищей ему служат янгеры, в излюбленных местах которых он и держится. Следовательно, вероятнее всего его можно встретить в самых труднодоступных частях гор. В восточной части Ноин-Богдо вероятнее всего его можно отыскать в весьма диких ущельях южного склона самого высокого массива этой части гор, на высшей точке которого, считающегося хайрханом, сложено большое обо. Помимо янгеров барс не отказывается от аргали, а, кроме того, изредка нападает на скот кочующих в горах монгол, давя баранов, коз, ослов и даже лошадей. На человека не нападает никогда, даже серьёзно раненный, всегда старается уйти. Поэтому местные монголы совершенно спокойно отправляют детей лет 7-15 пасти баранов и коз, конечно без всякого оружия, версты за 2-3 от юрты.

Не брезгает барс вероятно и кэкликами, зайцами и тому подобной мелочью.

Бродит ночью, а днём забирается в самые дикие верхние части скал,

где и лежит. Любит лежать в маленьких пещерках, часто встречающихся в скалистых обрывах. Переходя ночью с массива на массив, барс часто идёт вдоль сухих русел, и здесь именно я встречал на песке и гравии чёткие отпечатки его широких лап. Один, измеренный мной отпечаток лапы имел 13 см длины, 11 см ширины и 37 см в окружности. Встречи с человеком всегда избегает и стремится уйти незамеченным, почему при хороших органах чувств очень редко попадает под пулю охотника. Распространённые у местных монгол волчьи капканы для барса слабы, и он из них всегда освобождается. Исключением в этом случае являются молодые экземпляры.

Его красивая дымчато-серая с чёрными кольцами шкура ценится на месте от 20-25 лан, что составит на наши деньги 35 рублей.

Мясо монголы едят и хвалят.

Следующим по величине хищником является волк, встречающийся в горах Ноин-Богдо сравнительно редко. За два месяца охоты я не видал ни одного.

В скалистые части гор волк не забирается, а рыщет, главным образом, по окраинным холмам и широким долинам.

Несколько чаще волка встречается лисица, которую несколько раз видели мои товарищи по разъезду. Я же, по своей специальности бродивший по горам больше всех, тоже не встретил её ни разу.

Лисица заходит в более дикие ущелья, нежели крупный и тяжеловатый волк, и, следуя руслам, подстерегает за кустами караганы и буйлиса (*Prunus* sp.) свою добычу – зайцев, кэкликов, мелкую пташку, а по долинам – пищух, мышей и т. д. Поздней осенью любит спать днём на солнцепеке.

Как волк, так и лисица подвергаются усердному преследованию со стороны местных монгол-охотников. Добывают их, главным образом, капканами из железа или стали, по-видимому, русского изделия. Даже монгольское слово «хапкан», возможно заимствовано в новое время с русского.

Цена на шкуры была зимой 25-26 года – волк 10 лан, лисица 6-7 лан.

Наконец мне удалось узнать, что в горах Ноин-Богдо водится какой-то вид каменной куницы или хорька, обычной для подобных зверьков величины. Встречается этот зверёк редко, по крайней мере, его очень редко видят. Иногда попадает в капканы и тогда его шкурку покупают китайцы, платя лана 2 за шкурку. Живёт этот зверёк в камнях, делая норы. Более подробное описание наружности этого зверька мне получить не удалось, т. к. наш переводчик уехал, а я не обладал достаточным запасом слов.

Из грызунов весьма обыкновенен заяц, живущий по долинам.

Менее заметны пищухи, которые здесь весьма скрытны. Видя их

следочки и норки в камнях, я ни разу не видел самих зверьков. Так и не пришлось добыть хотя бы один экземпляр.

Наконец, по широким долинам весьма возможны тушканчики и мыши, но ни те, ни другие, не наблюдались.

Сводка зимних и весенних наблюдений Южной партии на месте зимовки её близ оз[ера] Сого-нор по Зоологическому дневнику партии

Прежде всего, необходимо отметить, что во время зимовки и весеннего пролёта вплоть до 14/V в партии отсутствовало лицо, специально ведающее зоологическими сборами, и поэтому, ясно, что, как дневник, так и наблюдения партии страдают неясностью и неполнотой, тем более, что ни один из зимовавших сотрудников экспедиции не знал хоть сколько-нибудь орнитофауну вообще, а водную в особенности. Н. Пржевальский, много потрудившийся в смысле наблюдений и сбора коллекционных экземпляров, был новичком в этом деле. Поэтому большая детализация пролёта водной птицы невозможна. Можно говорить о нём, главным образом, в общем.

В низовья Эцзин-гола партия пришла в начале декабря месяца. Стояла она, за исключением нескольких дней в начале, всё время на одном месте, именно в 5 верстах к *O* от ставки Торгоут-бейли и кумирни, и на таком же расстоянии к *S* от озера. Место наблюдений ограничивалось озером и ближайшими окрестностями места зимовки радиусом до 10-15 вёрст.

Из крупных млекопитающих наиболее обыкновенна была хара-сульта, встречающаяся обычно небольшими стадами от 3-10 шт. Её было много везде поблизости от озера. Там она встречалась, как на ровных солончаковых площадях с кустами тамариска, так и среди бугров с тамариском же.

Образ жизни их зимой отличается разве только тем, что хара-султы значительно дольше бродят и сравнительно мало лежат днём. В конце апреля число хара-сульт в районе экскурсий, т. е. от озера и вёрст 10 к югу, стало уменьшаться и к середине мая их осталось очень немного. Объясняется это тем, что к лету антилопы уходят из обильных не только кормом, но и кусающими насекомыми низовьев Эцзин-гола в окрестную пустыню.

Осенью же, когда скудная растительность пустыни почти совсем выгорает, они возвращаются в дельту, где и проводят зиму.

Отмечено, что самцов гораздо меньше, нежели самок.

Местные монголы-торгоуты добывают зимой хара-сульт во множестве посредством капканов. Мясо едят, а шкуры выделывают для домашнего употребления.

Из хищных самым крупным является волк. Встречается он в дельте

повсеместно и достаточно многочислен. Скоту торгоутов от него достаётся очень сильно. Весьма любопытен вполне достоверный факт частого скрещивания здесь волка с бродячей собакой. Помесь получается очень крупного роста, сильная, смелая, с более тёмной, местами чёрной окраской шерсти, сильно удлинённой на загривке. Сотрудник южной партии Н. Пржевальский дважды наблюдал подобных гибридов, а сопровождавший нашу партию из Ноин-Богдо на Эцзин-гол монгол-охотник видел (дело происходило во время течки) бродячую собаку в компании с волком и гибридом.

Гибриды эти попадают в капканы и шкуры их наравне с волчьими идут в продажу. Доказательством силы их служит один такой «чёрный волк», протащивший весьма тяжёлый капкан около 30 вёрст. Попав в ловушку около ур[очища] Торцо, эта особь была найдена по следу вблизи ур[очища] Балбырха.

Затем, весьма обильна лисица. Она также обитает повсеместно, охотясь за фазанами, зайцами, песчанками и т. п.

Специальным хищником дельты, т. к. волки и лисицы встречаются и в пустыне, является дикая кошка. По уверениям местных охотников, во множестве её добывающих, здесь имеется два вида кошки: серой и жёлтой окраски меха. Нам удалось приобрести лишь экземпляр серой кошки.

Все эти хищники, за исключением, быть может, волка, ведут весьма скрытный образ жизни, охотясь главным образом, ночью, так что о их присутствии можно судить лишь по следам, часто видимым на песчаных площадях.

Кроме того, монголы неоднократно говорили мне, что здесь водится рысь, встречающаяся крайне редко, и барсук (монг. цохор), которого они знают хорошо. К сожалению, ещё раз приходится повторить, что отсутствие переводчика (в горах Ноин-Богдо Аюшеев ездил к начальнику экспедиции, а с зимовки его пришлось уволить по болезни) сильно препятствовало собиранию подробных расспросных сведений. Моих же небольших познаний в монгольском языке совершенно недостаточно, и я обычно мог узнать тот или иной факт лишь в самом общем виде.

Местные охотники добывают волка, лисицу и кошек в значительном количестве путём капканов. Хорошо знакомый нам сосед торгоут, имея 50 капканов (по этим местам целое состояние – капкан стоит 15-18 рублей) поймал за зиму 15 волков, около 50 лисиц и порядочно кошек.

Капканы ставятся здесь без приманки на тропах. Ими перегораживают иногда большие пространства. Цена на пушнину здесь выше, чем в южной Халхе, что объясняется, вероятно, сравнительной близостью больших торговых центров Китая.

Из грызунов наиболее заметен заяц, населяющий заросли дельты во множестве, и совершенно не преследуемый здесь человеком. Он мало боязлив, и видеть его в спокойном состоянии приходится довольно часто. Нередко встречались зайцы группами от 3-5 экз[емпляров]. Во время цветения тополя, зайцы во множестве собирались под деревьями, подбирая опавшие серёжки.

Наконец, во время зимовки была возможность довольно подробно изучить биологию наиболее часто встречающихся мелких грызунов.

Крупные песчанки, вероятно аналогичные добытым в ур[очище] Холоин-Гашун, встречаются не слишком часто, отдельными колониями. Обитают они, как на песчаных площадях с саксаулом, так и на глинистых площадках с *Lucium* и тростником. Норы их идут неглубоко (не более 60-70 см) под поверхностью земли, но очень длинны и представляют собой сеть запутанных переходов и тупиков. У каждой норы несколько выходов. Вообще, в местах колоний почва изрыта весьма сильно.

Эта песчанка ведёт открытый образ жизни, проводя большую часть дня на поверхности земли. Тут она собирает травку и различные растительные остатки. При опасности скрывается в нору, но очень скоро появляется снова, даже после выстрела. Вылезая, она садится у отверстия норы столбиком и кричит, иногда приподнимаясь на задних лапках и с силой ударяя хвостом о землю.

В поставленные ловушки эти песчанки не шли и приманку (рис, мясо, сушённую зелень) не ели. Любопытно отметить, что после 2-3 дней стрельбы по ним, когда было добыто несколько экземпляров, песчанки все до одной покинули колонию и уючевали на новое место.

Другой вид песчанки, меньшего размера, встречается в значительно большем количестве. Норы их встречены во многих местах, между прочим, и у места зимовки. Но главная их масса наблюдалась по S песчаному берегу озера и около устья р[еки] Дунду-гола. Норы эти песчанки роют и на буграх под корнями тамариска, и на песчаных площадках с *Lucium* и в песке с сульхиром, мелким тростником и т. п. Норы эти идут полого под землю, не спускаясь глубже 50 см. Менее запутаны, нежели норы больших песчанок и имеют всего 1-2 выхода. Эти песчанки, подобно большим, также ведут открытый образ жизни, но отличаются тем, что едят решительно всё и, поселясь вблизи человека, сильно вредят, поедая и портя продукты. Поэтому была возможность добыть их посредством ловушки.

При опасности этот грызун прячется в норку и издаёт храп, на который отвечают таким же храпом соседи. При попытке добыть экземпляр этой песчанки путём раскапывания норы, случилось то, что зверёк забежал в слепой ход и, проделав отверстие наружу, убежал.

Кроме песчанок найдено два вида мышей, из которых меньшая размером, вероятно домашняя мышь. Большие серые мыши ещё более многочисленны, нежели малые песчанки. Селятся они почти исключительно в надутых ветром рыхлых бугорках песка под корнями тростника. Соседство тростника для колонии этих мышей совершенно обязательно. Этот вид ведёт скрытый образ жизни, проводя большую часть времени в норках. Норки копаются не только для жилья и убежища в случае опасности, но и для питания, т. к. эта мышь обгрызает под землёй корни тростника, составляющие главную часть её пищи. Коль скоро у одного куста тростника корни обгрызены, мышь бросает норку и переходит к следующему кусту, где копает новую. Видеть их можно изредка, когда они перебегают из норки в норку, так как у одной особи норок иногда несколько. В поставленные ловушки эта мышь не шла и никакой приманки не ела. Добыли её посредством петель.

Этот грызун весьма осторожен. Завидя опасность и спрятавшись в нору, он издаёт весьма слабые звуки, похожие на цыркание и слышные не далее как на расстоянии 4-5 шагов.

Наконец, маленькие мыши, вероятно, обыкновенные домашние, очень часто встречаются в юртах и сильно вредят человеку, т. к. едят и портят решительно всё. Норки они делают тут же, под войлоками, уходя в землю не более, как на пол-аршина. В конце норы делается расширение-камера, которая устилается обрывками войлока. Селятся мыши парами. Кроме юрт они, может быть, селятся и под кустами тамариска.

Врагами всех грызунов являются дикие кошки, лисицы, пустельга, совы и т. д., уничтожающие, вероятно, громадное количество их. Но обилие растительности - корма способствует весьма быстрому восстановлению.

Из насекомоядных отмечены пойманная в юрте землеройка и, появившаяся в 20-х числах апреля первая летучая мышь.

Наблюдавшихся птиц я разделю на три группы: а) зимующие, б) крупные пролётные водные птицы и с) пролётная и прилётная мелкая пташка. Ещё раз повторю, особенно касательно водной птицы, имеются большие пробелы в смысле перечня видов.

Зимой партия наблюдала грифа-монаха, державшегося на Эцзин-голе до второй половины февраля. Затем эта птица, по весьма правдоподобному уверению монгол, улетает в горы гнездиться. Ворон, как и всегда попадался в одиночку и изредка, без различия местности.

Во время стоянки на Хурлын-худуке, близ ставки Торгоут-бэйли, а затем некоторое время и на месте зимовки часто наблюдали чёрную ворону, потом куда-то исчезнувшую. Впрочем, значительно позднее,

именно, в середине июня чёрная ворона наблюдалась однажды в ур[очище] Бухан-хуб.

Весьма обычны сороки, державшиеся зимой, главным образом, вблизи жилищ. Весной они перекочевали в рощи для гнездения.

По окраине пустыни иногда попадалась *Podoces*.

Затем, близ места зимовки, а главное, на реке Обон-голе наблюдался фазан, два зимних экземпляра которого были добыты для коллекции. Зимний образ жизни его отличается следующим: в холодные дни он выходит лишь после восхода солнца и кормится почти целый день. Часто встречается стайками по 3-4 штуки. Ложится среди дня иногда не в куст, а на открытой площадке в тростнике. Во время цветения тополя фазаны охотно поедали, подобно зайцам, опавшие серёжки этого дерева и только в это время их можно было наблюдать на деревьях, где они щипали те же серёжки непосредственно с веток.

Бульдрук держится в обследованном районе постоянно, но в незначительном количестве. В январе-феврале месяцах наблюдался весьма незначительный лёт этих птиц к северным румбам (*N*, *NO*, *NW*), низко над землёй, небольшими стайками.

Наконец, из зимующей мелочи отмечен лишь *Alauda sp.*

Весенний пролёт водной птицы начался во второй половине марта и достиг maximum'a в 25-30 числах марта и в 1-5 числах апреля. Затем пошёл на убыль.

Отмечены следующие птицы.

Лебедь впервые наблюдался 20/III. Во время пролёта держался на озере в небольшом числе. Ежедневно отмечалось 20-50 шт. Много лебедей осталось гнездиться, как на озере (отметка в дневн[ике] партии от 17/V), так и близ него на озерке ур[очища] Манхын (мои наблюдения 27-го числа того же месяца).

Гуси впервые отмечены 21/III. Их летело необычайно мало. Массового пролёта их не отмечено вовсе. Изредка, главным образом в последних числах марта, наблюдались стаи штук по 100-200. Словом, ясно было, что через озеро Сого-нор большого пролётного пути гусей не пролегает. Впрочем, этого надо было и ожидать, так как предыдущей осенью я уже отметил, что направление всех гусиных стай, летевших через нашу стоянку в горах Ноин-Богдо на юг, было не на озёра, а к Гойцзо. Вероятно, этим путём они и возвращаются.

С первых чисел апреля гусей на Сого-норе отмечалось уже весьма мало. Некоторые остались гнездиться.

В противоположность гусям, уток (включая сюда все их виды, летевшие через Сого-нор, до чирков вкл[ючительно]) летело много. Они и

ещё, несколько позднее, бакланы составляли основную массу пролётной водной птицы. Прилетели они рано. Первые стайки отмечены 4/III. 10/III на реке близ озера можно было насчитать уже 1500 особей, продержавшихся на месте недели две. Чирков среди них вначале не было вовсе. Больше всего уток летело в последних числах марта. В начале апреля число их сильно убавилось, причём чирков было уже до половины. В дальнейшем чирки явно преобладали. К концу апреля лёт затих, и остались лишь гнездящиеся.

Кроме уток, как и было упомянуто выше, летели бакланы. Они появились несколько позже, именно 25/III, и максимум их лёта прошёл в первой декаде апреля. В это время их было на озере больше всех других водоплавающих. Ежедневно насчитывалось не менее 1000 особей. Затем лёт их стал уменьшаться и, наконец, остались лишь гнездящиеся пары.

Турпанов летело немного, и больших стай их отмечено не было. К 30/III количество их несколько уменьшилось, и немного позже остались лишь гнездящиеся пары.

Лысухи отмечены впервые 23/III. Их летело немного. Лишь 28/III замечена стая около 200 шт.

Из крупных голенастых летели в порядочном количестве колпицы. Впервые отмечены были 27/III. Максимум лёта пришёлся на первые числа апреля, когда их ежедневно отмечалось по несколько сот. Остались гнездиться.

Затем, начиная с 23/III всё время в небольшом числе экземпляров отмечались серые цапли (20-50 шт. ежедневно). Остались гнездиться.

Чаек и крачек отмечено 3 вида, из них *Sterna caspica* в небольшом числе. Впервые отмечены 17/III. С 25/III число их сильно увеличилось. Ежедневно отмечалось до 1000 экз[емпляров]. Но уже в первых числах апреля число их сильно уменьшилось и осталось чаек очень мало.

Чибисы появились 28/III и в небольшом числе продержались до 7/IV. Позже не отмечались.

Кроншнеп отмечен впервые 4/IV в небольшом числе экземпляров. Остался гнездиться.

Кулички, как и всегда, прилетели позже.

Наконец, 28/III прилетели первые *Ciconia nigra* в небольшом числе экземпляров, оставшиеся гнездиться в рощах тополя.

Что же касается прилётной и пролётной мелочи, то в зоологическом дневнике партии имеются следующие, весьма немногие данные.

Первый коршун отмечен 23/III.

29/III в небольшом числе отмечена даурская галка, позднее не наблюдавшаяся. Прилетела она, вероятно значительно ранее.

16/IV прилетел хохлатый жаворонок и остался гнездиться.

Motacilla alba отмечена впервые 10/IV и в последний раз 26/IV. Вероятно, не остаётся.

Motacilla sp. (с жёлтой головой) прилетела 8/IV, и с этого времени постоянно отмечалась в небольшом числе экземпляров.

Saxicola atrogularis отмечен 1/IV. Гнездится в пустыне и по её окраине.

Saxicola pleschanka прилетел 23/III. После 15/IV не отмечался. Вероятно, не остаётся.

13/IV впервые отмечен угод, попадавшийся далее всё время.

Стриж отмечен 5/V. Остаётся, но встречается в весьма небольшом числе экземпляров.

10/V впервые отмечены козодои, весьма обыкновенная здесь птица.

Общее впечатление от пролёта на оз[ере] Сого-нор таково: пролёт беден для такой большой станции. Лишь немногие виды летят в большом количестве. Большинство же летят понемногу и многие остаются гнездиться.

А.Д. Симук. «Зоологические заметки»

Архив Музея-квартиры П.К.Козлова (С.-Петербург). Ф. 3. Оп. 9. Д. 3/1177.

В архиве Музея-квартиры П.К. Козлова в С.-Петербурге среди материалов участников Монголо-Тибетской экспедиции (1923-1926) хранится небольшая записная книжка А.Д. Симук. На её переднем форзаце – заголовок, написанный чёрными чернилами рукою автора: «Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О.¹⁾ под начальством П.К. Козлова. 1925 – 1926 г.». Ниже указан маршрут партии: «Урга (28 июля 1925 г.) – Дайчин-бейсе – горы Хурху (28 августа) – горы Ноин-Богдо (стоянка октябрь-ноябрь) – низовья Эцин-гола (зимовка с декабря по май вкл.) – ур. Бухан-куб (50 вёрст вверх от Сого-нора, июнь)». Внизу страницы приписано: «Наблюдения вёл А. Симук». Книжка имеет серый клеённый переплёт; её размер – 10.8 на 17.3 см. Пагинация отсутствует. Записи сделаны черными и фиолетовыми чернилами с обеих сторон каждого листа. Их общий объём – 37 листов.

Происхождение этой записной книжки таково. Летом 1925 г. закончились

1) Правильно ГРГО – Государственное Русское географическое общество.

раскопки Ноинулинских курганов. Тогда же окончательно разрешился вопрос о посещении экспедицией Тибета – Москва не дала согласия на такое путешествие²⁾, вместе с тем П.К. Козлов получил разрешение на ведение работ в любом районе МНР, в Центральной Гоби и за её пределами. В результате экспедиционный отряд разделился на две партии. Одна из них, возглавляемая С.А. Глаголевым, двинулась на юг, в направлении Гобийского Алтая. Ей предстояло работать в горах Ноин-Богдо в течение октября – ноября 1925 г. и оттуда переместиться на зимовку в низовье Эцзин-гола, к озеру Сого нор для проведения раскопок Хара-хото и сбора зоологических коллекций. Второй отряд во главе с П.К. Козловым пошёл на запад в Хангай. (В официальных отчётах П.К. Козлова и в его дневнике, эти партии называются Восточной и Западной.)

В состав Глаголевской партии вошли А.Д. Симуков (далее А.Д.), Н. Пржевальский и ещё трое сотрудников. С этим отрядом А.Д. находился до конца осени 1925 г., когда выехал в Ургу (Улан-Батор). Оттуда, в январе 1926 г., вместе с зоологическими коллекциями Симуков был командирован Козловым в Москву.

А.Д. хотел быть на Эцзин-голе к началу весеннего пролёта птиц и вернулся в Ургу в марте 1926 г. (вместе с москвичом К.К. Даниленко, который находился в кратковременном отпуске у родных), однако обстоятельства разного рода задержали А.Д. в Урге. В конце апреля он прибыл в лагерь П.К.Козлова в Холте, откуда в начале мая отправился на верблюдах в район Эцзин-гола, которого и достиг через 10 дней.

«Зоологические заметки» А.Д. Симукова состоят из семи небольших очерков с подробными фаунистическими наблюдениями автора, сделанными на отдельных этапах маршрута «Южной партии»:

- 1) Урга – Дайчин-бейсе;
- 2) Маршрут Дайчин-бейсе – горы Хурху;
- 3) Стоянка в горах Хурху;
- 4) Маршрут горы Хурху – горы Ноин Богдо;
- 5) Заметки об осеннем пролёте птиц, наблюдавшихся в горах Хурху, во время пути по Центральной Гоби и в горах Ноин-Богдо;
- 6) Горы Ноин-Богдо;
- 7) Сводка зимних и весенних наблюдений Южной партии на месте зимовки её близ оз. Сого-нор (по Зоологическому дневнику партии).

2) См.: Андреев А.И., Юсупова Т.И.. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К.Козлова (1923-1926 г.г.). Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51-74.

«Заметки», по видимому, являются сводным отчётом А.Д. Симукова о работе в составе Южной партии, переданным начальнику экспедиции и таким образом оказавшимся в его личном архиве. Все записи сделаны очень аккуратно, практически без помарок; возможно, они были скопированы автором в записную книжку с несохранившихся рукописных оригиналов.

Из этих «заметок» мы узнаём любопытную подробность – о том, что П.К. Козлов поручил Симукову добыть аргали (*Ovis sp.*, *Ovis argali*), разновидность горного барана, широко распространённого в горах гобийских хребтов. Симукову было хорошо известно, что Н.М. Пржевальский в ходе своей первой и третьей центральноазиатских экспедиций (в 1870-1873 и 1879-1880 гг.) многократно наблюдал это животное на Тибетском нагорье и подробно описал его³⁾. Монгольский же аргали был гораздо менее изучен.

За полтора года (1924-1925) жизни и работы в горной тайге Хэнтэя (археологические раскопки Ноинулинских курганов и выполнение самостоятельных заданий по географическому исследованию отдельных районов) А.Д. приобрел опыт наблюдений за животными во время длительных пешеходных маршрутов (около 600 верст за месяц) и стал завзятым охотником. Это помогло ему изучить образ жизни аргали и добыть экземпляр для коллекции.

В 3-ей и 6-ой заметках приводится подробное описание гобийских аргали – их внешнего облика, повадок, мест обитания и особенностей охоты на них. Помимо аргали А.Д. даёт описание и других наблюдавшихся им копытных животных и хищников. Большой интерес также представляют орнитологические наблюдения Симукова (в 5-м и 7-м очерках), дополняющие сведения главного орнитолога экспедиции Е.В. Козловой.

А.И. Андреев

3) См.: Н.М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 111-113, 262-263; он же. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. М., 1948. С. 236. Монгольского аргали Пржевальский наблюдал в горах Сума-Хада на юго-восточной окраине Монгольского нагорья во время своего первого путешествия (1870-1873). В Северном Тибете водится белогрудый аргали (*Ovis polii*), который отличается от монгольского формой рогов и ярко белой грудью.